

Константин Шумский

— ДВЕ —
ЕВРОПЫ

Константин Шумский
**Две Европы (Очерки
Верхнезаморского клуба)**

«Алетейя»

2023

УДК 008
ББК 71.1

Шумский К. В.

Две Европы (Очерки Верхнезаморского клуба) /
К. В. Шумский — «Алетейя», 2023

ISBN 978-5-00165-661-6

Книга посвящена ментальному противостоянию двух европейских полюсов - Запада и России. Подробно анализируются их религиозные, мировоззренческие и цивилизационные особенности. Автором найден ключ, который по-новому раскрывает суть кризиса, в котором оказались эти цивилизации. Предложена новая парадигма. Сформулирована Русская идея. Книга философская, междисциплинарная, интегральная. Находится на стыке богословия и гуманитарных наук. Изложена живым языком в форме диалогов. Предназначена для всех, кто желает поглубже разобраться в происходящих ныне событиях и обрести новые смыслы. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 008

ББК 71.1

ISBN 978-5-00165-661-6

© Шумский К. В., 2023

© Алетейя, 2023

Содержание

Предисловие	6
Вечер первый	8
1. Таинство рождения	8
2. Глубинный матриархат греческой мифологии	13
3. Патриархальность греческой философии	16
4. Демократия и автократия	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Константин Владимирович Шумский

Две Европы (Очерки Верхнезаморского клуба)

© К. В. Шумский, 2023

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

Предисловие

Этим летом я, как обычно, отдыхал на своей крымской даче, в селе Верхнезаморском, недалеко от Керчи. Керчане называют эти места «Пресняком», производя название от железнодорожной станции Пресноводная. Верхнезаморское – небольшая деревенька на вершине кручи, спускающейся своим единственным склоном к берегу Азовского моря, почти в самом центре Казантипского залива. И это самое лучшее место на Земле. Потому что отсюда родом моё детство. Каждый год, гостя у бабушки с бабушкой, я проводил здесь свои летние каникулы.

К сожалению, это прекрасное время безвозвратно ушло. Старики давно умерли. Я вырос. Но в первоизданном виде сохранилось само место. Море, солнце, круча, балка и мыс Казантип – всё это осталось тем же самым. Продолжает жить и фамильное имя. Здесь и произошли события, которые послужили поводом к изданию этой книги, и во многом стали её содержанием.

Лето – это маленькая жизнь, и время отпусков. И люди из своих душных мегаполисов стекаются к морю. Крым заполняется отдыхающими. Едут и семьями, и по одному, с одним страстным желанием – отдохнуть. Основной поток, конечно, тянется на Южный берег. Крупные людские ручьи струятся также в Феодосию, Судак, Коктебель, Новый свет, Евпаторию. Большой популярностью неизменно пользуется Севастополь. В результате сбегавшие от столичной толкотни индивиды оказываются в условиях мегаполисов, сжатых до размеров небольшого городка. Та же суета, те же цены, та же борьба за место под солнцем. При этом место на пляже не гарантировано никому.

Керченский полуостров в этом отношении оказывается в выигрыше. Народу здесь традиционно мало, а пляжей много. Поэтому друзья, отдыхая на более престижных крымских курортах с жёнами и детьми, частенько навещают меня в моём деревенском логове. Приезжают, правда, в основном почему – то без жён и без детей. Так, по – простому, погостить, пообщаться. И эти встречи иногда получаются весьма плодотворными. Мы в шутку прозвали эти сборища «Верхнезаморским клубом».

Этот год не был исключением. Как только стало известно, что я здесь, пошли звонки. И потянулась в Верхнезаморское вереница одиноких беглецов от курортной суеты. Добраться сюда легко – и станция и трасса рядом, так что в тот же вечер мы уже душили друг друга в товарищеских объятьях. Я как раз тоже был один – мои ещё не приехали. Поэтому отдых приобрёл особый колорит. Рыбалка, море, волейбол, гитара, запечённая и вяленая азовская рыба всевозможных сортов. После обеда – традиционный «адмиральский час». Вечером ходили на кручу «сажать солнце» под шампанское. Закаты тут бесподобные. Ну а за ужином начиналась основная часть программы.

Чем заняться тёплыми летними вечерами в Крыму за бутылочкой марочного портвейна временно холостякующим русским интеллектуалам? Конечно, философией, поиском смыслов. О чём мы только не говорили! Матриархат, патриархат, Запад, Русская идея, ну и, естественно, религия как основа всего. Ребята знали, что у меня есть теория, которую я разрабатываю уже много лет, и всё пеняли мне, что не пишу книгу. Правда, незадолго до этого мне как раз удалось опубликовать несколько новых статей. Но мужчины их ещё не читали. Им стало интересно, и они попросили изложить свою концепцию. Так что я два вечера солировал.

Подвох, однако, был в том, что у одного из приятелей всё это время был включён диктофон. Позже он переслал мне запись и посоветовал её расшифровать. Вот так, собственно, и появилась эта книга. Она, по сути, представляет собой стенограмму – почти буквальное воспроизведение наших разговоров у костра в Верхнезаморском. Есть, конечно, купюры и неболь-

*шая редакция. Текст был разделён на главы. Добавил также ссылки на литературу и за-
вычил цитаты. Остальное всё правда.*

Константин Шумский

Вечер первый

1. Таинство рождения

К.Ш.: Всякое развитие имеет отправной, начальный момент. Это – рождение. Сначала что – то появляется, рождается, а затем уже оно начинает развиваться. То, что однажды не родилось, не может существовать и развиваться.

Ю.М. Лотман особо подчеркивает важность начала как основной границы: «Акт творения – создания – есть акт начала. Поэтому существует то, что имеет начало... Объяснить явление – значит указать на его происхождение... Основной вопрос – не "чем кончилось", а "откуда повелось"»¹. И коль речь заходит о «рождении», то сразу встает вопрос о «родителях». Кто они? Какова их роль?

Среди перипетий человеческой истории существует один любопытный факт. Переход племён охотников и собирателей к земледелию и скотоводству неизменно совпадает с изменением их социальной организации, а именно – сменой матриархата патриархатом. Внятно объяснить этот странный феномен так никому и не удалось. В основном толкуют о каких – то «производительных силах» и повышении роли мужчин в производстве². Без сомнения, это имело место, но речь идет о смене ментальности, а значит на главную причину таких глобальных изменений эти процессы явно не тянут. Завесу этой тайны может приоткрыть сравнительно недавнее открытие этнографов.

Примерно около середины XX в. выяснилось, что примитивные племена охотников и собирателей, как правило, не видели связи между половым актом и рождением детей. На эту удивительную близорукость диких народов, в частности, в своих знаменитых работах указывают Симона де Бовуар³ и Юлиус Эвола⁴. Об этом же подробно пишет известный британский антрополог Броснислав Малиновский: «весь процесс введения новой жизни в сообщество лежит между миром духов и женским организмом. Там нет места для какого бы то ни было физического отцовства»⁵.

Человек – часть этого мира. И появление чего бы то ни было он всегда соизмеряет с собственным рождением. Дело в том, что охотники и собиратели сами не выращивают ни скот, ни плоды. Они их присваивают, не задаваясь вопросом об их происхождении. Здесь срабатывает «особого рода ментальность – ментальность охотников и собирательниц»⁶. Эта особая ментальность реконструируется при переходе «от изучения охотничье – собирательского образа жизни к изучению охотничье – собирательского образа мысли»⁷.

Что фактически видят охотники и собиратели в процессе своей хозяйственной деятельности? Видят они то, что самки животных рожают детёнышей, и никакой самец в самом акте рождения участия не принимает. Параллельно этому земля «рождает» ягоды, фрукты и грибы. Процесс зачатия и посева скрыт от глаз охотников и собирателей. Открытым, явным, а значит единственно существующим является лишь рождение – собственно роды и всходы. В этой

¹ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970, с. 260.

² Энгельс Ф. Парная и моногамная семья // Семья: Книга для чтения: в 2-х кн. М., 1990. Кн. 1, с. 222–235.

³ Бовуар С. де. Второй пол. М., СПб., 1997, с. 98.

⁴ Эвола Ю. Метафизика пола. М., 1996, с. 42.

⁵ Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М., 2004, с. 591.

⁶ Артемова О.Ю. Колена Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М., 2009, с. 160

⁷ Там же.

логике женщины для рождения детей, подобно земле и самкам животных, тоже ни в ком не нуждаются. Здесь «наблюдается самое настоящее отождествление женщины и земли; в них обеих путем различных превращений воспроизводится постоянство жизни – жизни, являющейся прежде всего способностью к порождению нового... земля – это женщина, а в женщине живет та же неведомая мощь, что и в земле»⁸. Для такого сознания рождение – это одноактный спектакль, в котором принимает участие только один актёр – мать или земля. Отец в такой парадигме просто избыточен. А значит и нет никакого отца. Существует только мать.

Сейчас мы знаем, откуда берутся дети. Именно *знаем*. Наши дикие предки *не знали*. Что они фактически *видели*? Беременность и роды. И вынашивает, и рождает ребенка мать. Это очевидно, и является фундаментальным фактом. Вопрос: почему она рождает?

В рамках очевидности участие отца в рождении детей никак не обнаруживается: «туземцы верят в то, что девушка может оказаться с ребенком и не имея предварительных сексуальных контактов»⁹. А значит ответ может быть только один: женщины рожают, потому что им внутренне свойственно рожать. Свойство у них такое – рожать детей. Когда женщина достигает определённого возраста и внутри нее созревают необходимые условия, происходит процесс самозарождения, и она рождает. И никто другой ей для этого не нужен. Всё что требуется – это здоровый женский организм.

Самые любопытные, естественно, не унимаются и задаются вопросами, пытаясь выяснить, а не было ли каких – то внешних причин для беременности? Что предшествовало родам? Оказывается, очень многое. За долгие месяцы до этого произошли тысячи событий. Женщина ходила за водой, мыла посуду, варила пищу, купалась в реке, собирала ягоды, кормила птичек, участвовала в играх и священных обрядах, болела, гуляла, спала, причём как наедине, так и рядом с другими людьми – мужчинами и женщинами. Какое из этих событий может быть связано с последующим рождением ребенка? Неизвестно. Потому что между всеми этими событиями нет видимой, непосредственной связи. Здесь требуется подключить мышление, чтобы обнаружить невидимые детерминации. Но примитивное сознание им не обладает, поэтому его вердикт категоричен: раз видимой связи нет, то её нет вообще. И не надо строить никаких сомнительных догадок. Такой вот своего рода первобытный позитивизм.

Правда, возникал вопрос: если дети появляются в результате самозарождения, то почему тогда женщины рожают не только женщин, но и мужчин? Зачем они нужны, если они не принимают участия в деторождении? Ответ в такой логике опять же очевиден: мужчин женщины рожают для выполнения определённых, специфических функций – как источник наслаждения, а также в качестве охранников и добытчиков всего необходимого. Ну и ещё для выполнения роли естественного дефлоратора, т. к. по мнению дикарей «девственность технически препятствует оплодотворению посредством духа»¹⁰. Но это нужно только один раз, ибо «после того, как это однажды проделано... мужчине и женщине нет необходимости сходиться вместе, чтобы произвести ребенка»¹¹. Подобное общество – это своего рода пчелиный улей. Есть матка, а есть трутни и рабочие пчелы, обслуживающие матку и ее потомство. «Мужчина» – это вспомогательная функция, помогающая в решении основной, «женской» задачи. И что бы он ни делал, он делает это исключительно для женщины и её потомства.

Такой взгляд на человеческое рождение переносится на весь окружающий мир и становится особым мировоззрением, архетипом – матриархатом. Он базируется на чувственном, эмпирическом восприятии мира, на том, что можно непосредственно запечатлеть. Такое сознание уверено: существует только то, что можно увидеть своими глазами или пощупать своими

⁸ Бовуар С. де. Второй пол. М., СПб., 1997, с. 98–99.

⁹ Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М., 2004, с. 593.

¹⁰ Там же, с. 591.

¹¹ Там же, с. 592.

руками. Вот если я это вижу – оно есть, если я не вижу, значит этого нет и быть не может. Такая своеобразная логика неверующего Фома: пока, мол, сам не увижу Христа, и не вложу свои пальцы в его раны – не поверю.

Матриархат как мировоззрение – это убеждение в самозарождении жизни и всего вокруг. Всё логично: человек самозарождается в лоне матери, растения самозарождаются внутри земли, и всё в мире тоже самозарождается. Есть только одна субстанция – материнская, собственно материя. Ей внутренне присуще развитие. Материя сама по себе, без посторонней помощи, без внешних вторжений рождает различные явления. Она и порождает всё разнообразие мира, в том числе некое специфическое мужское начало. И весь материальный мир организовывается и развивается сам по себе. При матриархальном взгляде на мир, рождение и развитие – это естественный процесс. Здесь нет никакой энтропии. Здесь всё хорошо. А хаос – это просто некая первоначальная фаза развития.

Но Христос явился Фоме и тот поверил. Нечто подобное случилось и с нашими собирателями и охотниками после того, как они решили стать земледельцами и скотоводами. В какой – то момент они выясняют, что землю мало просто удобрять и поливать. В неё еще надо бросать семена. А скот, оказывается, не размножается сам собою, его надо спаривать. Постепенно в сознании проявляется та самая неочевидная связь между бросанием семечки в землю и рождением плодов, между спариванием и приплодом, между половым актом и рождением детей.

Становится ясно: для рождения недостаточно одного материнского начала. У рождения не одно, а два действия. Первое действие – неочевидное, тихое, скрытое, происходящее за закрытыми дверями – половой акт. И здесь два действующих лица – отец, закладывающий семя, и мать, это семя воспринимающая. Второе же действие – собственно сами роды – осуществляет уже только мать, без участия отца, и именно это действие очевидно всем. Сам ребенок своим криком оповещает окружающих о своём рождении.

Здесь впервые на авансцену выходит отец как участник деторождения. Но какова его роль? Первичная или вторичная? Основная или вспомогательная? Чем он является – концом явления или его фундаментальным началом?

Сперва принимается самая простая и, опять же, очевидная версия: мать предоставляет некую «заготовку», т. е. весь необходимый набор элементов, из которого должен появиться будущий ребенок. Отцу остается добавить одну маленькую деталь – некий недостающий пазл. Папа как бы накладывает последний мазок на почти уже завершённую картину. Кладёт, так сказать, свою вишенку на уже практически готовый торт. Здесь человеческое сознание еще находится в плену у очевидности. Главная роль по – прежнему принадлежит матери. Участие отца уже признаётся, но его номер – шестнадцатый. Это ещё матриархат.

Однако новоиспечённому аграрию не дает покоя один неоспоримый сельскохозяйственный факт: если закладывается пшеничное зерно – рождается пшеница, закладывается горчичное семя – рождается горчица. Т. е. во втором, очевидном акте появляется именно то, что закладывается в первом, неочевидном. Семя выступает как первичное, активное начало, которое диктует земле свою программу, и земля, подчиняясь, обслуживает интересы семени, предоставляя ему всё необходимое. Т. е. первый, скрытый акт определяет то, что когда – нибудь в будущем совершится во втором, очевидном акте. Приходит осознание первенства «отцовского» начала.

Это неизбежно рождает культуру сексуального поведения. С этого момента начинается процесс регулирования сексуальных отношений. Появляется система табу, исчезает промискуитет – беспорядочные половые связи.

В.К.: Почему?

К.Ш.: Да потому что теперь важно было понять, кто заложил то семя, которое «организовало ребёнка». С этого момента главным и, по сути, единственным вопросом рождения становится вопрос об отце. Тем более что вопрос о матери вопросом никогда и не являлся в силу

очевидного ответа. Ведь то, что «эта тётя» является мамой ребёнка – это и так всем очевидно, т. к. она его родила. А вот то, что «этот дядя» – его папа, это нельзя непосредственно увидеть. Об этом можно только думать, и в это можно только верить. Отец – это всегда предмет мышления и веры.

Отсюда важный вывод: рождение – это видимый всем процесс, начало которого невидимо. Это начало можно постичь только мышлением и верой. И это касается не только дикарей, но и нас, современных людей.

В.К.: А как же анализ ДНК?

К.Ш.: Все современные способы определения отцовства, включая анализ ДНК, есть научные методы, а не факты непосредственного восприятия. А любой научный метод, в той или иной степени, есть абстракция, и является предметом мышления. К тому же ни один из них не даёт стопроцентного результата. Да и от случайных ошибок и подлогов никто не застрахован. А значит это является предметом не только мышления, но и предметом веры: неполное знание есть, в сущности, незнание.

Начинает формироваться новое, патриархальное, мировоззрение, при котором мышление и вера, т. е. то, что неочевидно, невидимо, начинают главенствовать над чувственным восприятием, над очевидностью. Как оказалось, данная смена дискурса стала мощнейшим цивилизационным триггером.

Этот мировоззренческий переворот и переход центральной роли от очевидного к неочевидному глобален и касается всех сфер, в том числе религии. А.Ф. Лосев, в частности, связывает повышение роли отца с переходом от фетишизма к анимизму, когда вместо обожествления самого идола, который очевиден, обожествляться начинает дух идола, который сидит как бы внутри него, и который неочевиден¹². Здесь уже доминирует не чувственное восприятие, а мышление и вера, ставящее неочевидное выше очевидного. Почитается уже не сама вещь, идол в своей видимой материальности, а тот дух, демон, который невидим, но внутренне присущ этой вещи. Да, он невидим, но его можно мыслить, в него можно верить. И он первичен по отношению к собственной материальной оболочке.

Конечно, было бы упрощением приписывать абсолютно всем охотникам и собирателям исключительно один взгляд, а всем земледельцам и скотоводам – другой. Речь скорее идёт о двух мировоззренческих моделях – «ментальности охотников и собирателей» и «ментальности земледельцев и скотоводов». Подобно тому как у Макса Вебера шла речь не о конкретных католиках и протестантах, а о двух видах ментальности – католической и протестантской¹³.

В нашем случае тот или иной взгляд на человеческое рождение переносится на весь окружающий мир и становится особым мировоззрением, архетипом, ментальностью – «матриархатом» или «патриархатом». Первый базируется на чувственном, эмпирическом восприятии мира, на том, что можно непосредственно запечатлеть. Этому взгляду противостоит патриархальная ментальность, носители которой уверены, что главным в любом развитии является не то, что можно увидеть, а то, что можно мыслить и во что можно верить. Здесь над очевидностью главенствует неочевидное – предмет мышления и веры.

Как бы то ни было, но именно с победы патриархальной ментальности стартует развитие человеческого общества и дикость эволюционирует в цивилизацию. Некоторые современные исследователи даже символически связывают эти две модели сознания с библейской историей Исава и Иакова¹⁴. Исав, как охотник и собиратель, являлся носителем старой ментальности. И он проиграл своё первородство земледельцу и скотоводу Иакову – носителю новой, более про-

¹² Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996, с. 19.

¹³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

¹⁴ Артемова О.Ю. Колена Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М., 2009.

грессивной ментальности. В итоге магистральная ветвь цивилизации («богоизбранный народ») пошла по патриархальному пути. В этом вся суть неолитической революции.

2. Глубинный матриархат греческой мифологии

К.Ш.: Эта смена парадигм отчётливо просматривается в греческой мифологии. Как говорил Бахофен, «мифологическое наследие – ... манифестация первоначального образа мыслей, непосредственное историческое откровение и, следовательно, истинный, отмеченный высокой надёжностью исторический источник»¹⁵. Именно «миф в своих превращениях становится живым выражением ступеней развития народа, проходя их шаг за шагом вместе с ним»¹⁶.

А.Ф. Лосев разворачивает сложную диалектику греческой мифологии в ее эволюционном развитии: «Вначале человек... все мыслит состоящим из земли или из ее порождений. Это мы и называем хтонизмом... Этот хтонизм в дальнейшем сменяется... тем, что обычно зовется героизмом, героическим веком или героической мифологией»¹⁷. Эти два основных мифологических цикла – хтонический и героический – отражают два этапа взросления греческого сознания – матриархальный и начально – патриархальный с его «централизацией мифологии вокруг горы Олимп и с переходом от старинной титанически – циклопической архаики к художественно развитому и героическому антропоморфизму»¹⁸.

Хтонические мифы говорят о самозарождении и самоуправлении. Их главное действующее лицо – некое женское начало – «хаотическая мощь Земли, пребывающая в постоянном само-противоборстве»¹⁹. Это глобальное бесформенное «женское тело»²⁰ порождает недоразвитых чудовищ и страшилищ, «которые еще не дошли до какого – нибудь чёткого внешнего образа и вполне могут рассматриваться по преимуществу как только хтонические силы, и притом большей частью разрушительные»²¹. Со временем «вся эта стихийно – чудовищная мифология матриархата получает свое обобщение и завершение в мифологии Великой матери, или Матери богов»²². Великая мать – это некий колоссальный сгусток энергии, мировой хаос, который сам из себя, естественным образом всё порождает.

Эволюционными наследниками инфантильных хтонических чудовищ стали титаны, одного из которых звали Зевсом. Именно с выступления Зевса начинается героическая мифология, описывающая уже реалии зарождающегося патриархального мировосприятия греков. Перед тем как выступить на борьбу с титанами, Зевс теряет на Крите свой пупок. Этим символическим актом взросления он как бы порывает со своей «матерью» – породившим его хтоническим началом, – заявляя о своем особом, не титаническом происхождении и специальной, «мужской» миссии. Он не «титан», он «герой». Он не снизу, он сверху. Потеряв свой пупок, а с ним и связь с прошлым, Зевс бросает вызов титанам, побеждает их, и из своей бывшей «родины» – мирового хаоса – организует олимпийский порядок, примирив все противоборствующие силы.

И вот из бывшего хаоса рождается прекрасный Космос, известный всем нам по греческой олимпийской религии: «Теперь, и только теперь природа получает у греков то умиротворение и ту поэтизацию, которыми они прославились на все последующие века вплоть до настоящего времени»²³.

¹⁵ Бахофен Иоганн. Материнское право // Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 1. М., 1996, с. 222.

¹⁶ Там же, с. 224

¹⁷ Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996, с. 21.

¹⁸ Там же, с. 16.

¹⁹ Там же, с. 76.

²⁰ Там же, с. 57.

²¹ Там же, с. 76.

²² Там же.

²³ Там же, с. 88–89.

Миф, как известно, не выдумка и не сказка. Это образно – символическое описание реальности. И данная история есть прямая аналогия того, как складываются половозрастные отношения у людей. По сути, Зевс поступает как обычный подросток – тот приходит с мамой в кино, но делает вид, что он не с мамой, а сам по себе. Ведь всякий подросток в период полового созревания мнит себя загадкой, «звёздным мальчиком», сошедшим с неба для выполнения какой – то важной миссии. Нет, он не рождён, не вырос снизу, он спустился сверху. Он – «герой», который пришёл, чтобы победить «титанов» и изменить этот мир. А присутствие матери припирает его к стенке вполне реальным рождением. Он стесняется свою мать, потому что она – свидетельство его земного, хтонического происхождения.

Не стоит осуждать юношу. В нём проявляется некий древний архетип, описанный в мифе о Зевсе. Да, каждый мальчик рождён женщиной, но приходит время, и он становится мужчиной. Теперь, по закону жанра, он должен «потерять свой пупок», т. е. связь с матерью. Движимый своей высшей, «звёздной» миссией, юноша покидает родной дом и на чужбине окончательно превращается из «титана» в «героя». Теперь он должен вернуться обратно уже в новом качестве, и выполнить свою миссию – победить «титанов» и организовать свой «олимпийский» порядок. Но он не может вернуться к матери. Вместо этого повзрослевший юноша находит подходящую девушку и женится на ней.

А.Н.: Это поэтому считается, что мужчина ищет жену, похожую на его собственную мать?

К.Ш.: Возможно. Мать для юноши есть прообраз его невесты. Жена – это как бы та же самая сущность, что и мать.

Д.П.: Видимо, бедный юноша подсознательно стремится завершить дело, которое не смог закончить его отец – уговорить мать.

К.Ш.: Такова миссия мужчины. Это миссия «героя» – ему необходимо приобрести полную власть над сидящими в женщине «титанами». Он женится на избраннице и вторгается в её девственное пространство. Там, естественно, живут «титаны». Но они не могут самоорганизоваться, им надо дать смысл, цель, программу. «Титанами» надо овладеть и направить их энергию в нужное русло – на развитие. Женское пространство – это резервуар «титанической» неорганизованной энергии, которое томится, желая стать матерью. Оно ждет своего «героя», чтобы дать ему всё необходимое для выполнения его миссии. Когда происходит зачатие, этот океан бушующей энергии превращается в целостный организм. Женщина становится матерью, и её внутренняя энергия организуется для развития плода.

Зачатие – это и есть соединение цели и программы «героя» с энергией «титанов». В этом соединении рождается новый человеческий порядок – эмбрион. С этого момента мать запрограммирована им, и вся её «титаническая» внутренняя энергия подчинена одной цели – поддержанию и развитию этого порядка. Беременная женщина – это и есть прекрасно организованный «героем» космос.

Во всех героических мифах неизменно действует некий «герой», усмиряющий своевольное «женское», «титаническое» начало. Своеобразным социальным уроком на эту тему выступил миф об амазонках, которых неоднократно побеждали античные герои – Геракл, Тесей и другие.

Смена в греческой мифологии хтонической эпохи героической – не что иное как отражение изменений, произошедших в мировоззрении греков. Матриархальный дискурс у них сменяется патриархальным. Мифы героической эпохи не только отражают ключевую роль мужчины в рождении детей. В своём пределе они говорят об осознании греками необходимости повсеместной организации, и подчеркивают важнейшее значение некоего условного «отца» в зарождении любого материального порядка.

* * *

К.Ш.: Однако, греческая мифология героической эпохи, утверждая патриархат как принцип космического порядка, оказывается в смысловом тупике, из которого отчаянно, но безрезультатно пытается вырваться. Всё дело в процедуре хтонического обнуления. Трюк Зевса с потерей пупка выглядит подозрительно и не вызывает доверия. Этот миф логически соответствует одной известной истории из жизни барона Мюнхгаузена. Как следует из этого рассказа, Мюнхгаузен однажды угодил в болото и стал тонуть. Однако барон не растерялся. Он схватился рукой за волосы и ловко вытащил себя на сушу, причём вместе с конём. Над рассказом барона все смеялись – ему не верили. Ведь опыт и здравый смысл подсказывают: для того, чтобы проделывать такие штуки, нужно иметь ещё одну, независимую от болота точку опоры.

В действиях Зевса была нарушена та же логика. Родившийся в «космическом болоте» и имеющий хтоническое происхождение Зевс вдруг овладевает этим «болотом» и создаёт из него прекрасный олимпийский космос. Как он стал героем? Освободиться от хтонизма он мог только в том случае, если бы имел принципиально иную, некосмическую точку опоры. Но основная греческая реальность в том, что кроме Космоса ничего больше нет²⁴. А значит нет и никакой другой точки опоры, которая бы могла находиться вне Космоса, и на которую мог бы опереться в своих преобразованиях Зевс. Космос «рождает» всех и вся. А т. к. «рождает» всегда мать, то Космос логически является «женским» началом. То, что в героический период стало Космосом, раньше, в хтонический, было «великой матерью», Хаосмосом.

Хаос и Космос – это одна и та же сущность, представленная в разных фазах и степенях своей организованности. Всё существующее есть её порождение, в том числе и сам Зевс. В результате хитрой операции ему удалось стать «мужем» и главой «олимпийской семьи», но он логически не может стать её «отцом». Если не существует «мужского», как принципиально иного, внешнего по отношению к «женскому» Космосу, но равновеликого ему, начала, то тогда «мужское» есть всего лишь производное от «женского». Оно несвободно и зависимо от него. А значит «мужское» не является «отцовским».

«Великая мать» греков есть мать – одиночка. Налицо акт самозарождения. Т. е. при декларируемом патриархате олимпийской религии, на более глубинном уровне там, по сути, безраздельно царствует ментальный матриархат. В греческой мифологии этот вопрос так и не был решён. Его решает греческая философия.

²⁴ Лосев А.Ф., Тахо – Годи А.А. и др. Античная литература: Учебник для высшей школы. М., 1997, с. 486–488.

3. Патриархальность греческой философии

К.Ш.: Не решив главной, патриархальной задачи – обнаружения свободного «отца» – «наивная мифология гибнет и переходит в натурфилософию, продолжая, однако, играть огромную служебную роль»²⁵. Действительно, некоторое время мифология всё ещё продолжает доминировать, но подспудно, в глубинах греческого сознания на лидирующую позицию выходит разум, который уже на новом уровне продолжает развивать наметившуюся патриархальную тенденцию. Начинается поиск невидимых структур, лежащих в основании Космоса.

Всё началось с Парменида и Пифагора. Однако настоящее трансцендирование «отца», как субъекта действия и независимой от «матери» субстанции, связано с именем Сократа. Олимпийскому Космосу с порождёнными им богами он противопоставляет некое начало, которое принципиально внекосмично, и в то же время оно находится внутри человека. Это – разум, мышление.

Здесь задана одна из главнейших тем всей дальнейшей европейской философии – тема свободы человека. Свободы от материи, от Космоса, от хтонических энергий, от причин и следствий, от закона, от судьбы, от наследственности. Это свобода от необходимости: «абсолютной необходимостью является лишь необходимость нашей свободы»²⁶.

Сократ впервые выделяет сверхприродное, внекосмическое начало как некую умопостигаемую истину, которую «нельзя отбросить, не запутавшись в противоречиях»²⁷. Это цель или смысл. Это начало не имеет никаких причин. Наоборот – оно первично по отношению к ним, и само вызывает эти самые причины. И если причины можно эмпирически зафиксировать, т. к. они материальны, то цель, вызывающая их, невидима, её можно только мыслить: «знание смысла принципиально не достижимо методами физиологии, которая оперировала понятиями причины, необходимости и судьбы. Это особое, неотчуждаемое от своего носителя – человека – знание цели»²⁸. Цель, смысл имеет принципиально иную природу. Как активное, чисто «отцовское» начало, оно преобразует материю, запуская все материальные процессы. Утверждается новый, патриархальный, принцип – телеология.

Говоря языком мифологии, разум – это «герой». Но путь этого «героя» принципиально отличен от пути Зевса. Зевс порождён хтоническими энергиями. Он изначально космичен. Зевс – оборотень: раньше он был титаном, а потом превратился в героя. Разум же не порождён Космосом, в нём вовсе нет «титанического» начала. Он никогда не был «титаном», он – принципиально «другой». Он пришёл «сверху», из «надлунного» мира. Это «герой» подлинный, изначально, врождённый, «герой» не «по заслугам», а «по происхождению». Это «мужчина», который не был рождён. У него нет «матери», а значит и никогда не было «пупка», он – действительно «звёздный мальчик».

Именно разум является «тем самым Мюнхгаузеном», который, угодив в «космическое болото», способен не только сам из него выбраться, но и вытащить из него «коня» – собственную чувственность. Более того, он способен это «болото» всколыхнуть, осушить и трансформировать по своему проекту.

А.Н.: Вообще – то Бертран Рассел считал, что всё началось с Пифагора. Он открыл существование за материальными объектами неких невидимых, интеллигибельных математических структур, которые руководят материальными вещами: «Я не знаю другого человека, который был бы столь влиятельным в области мышления, как Пифагор. Я говорю так потому,

²⁵ Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996, с. 16.

²⁶ Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986, с. 24.

²⁷ Там же, с. 24–25.

²⁸ Там же, с. 30–31.

что кажущееся платонизмом оказывается при ближайшем анализе в сущности пифагореизмом. С Пифагора начинается вся концепция вечного мира, доступного интеллекту и недоступного чувствам»²⁹.

К.Ш.: Да, значение Пифагора огромно. Но всё же я настаиваю: главная заслуга в утверждении онтологического статуса мышления принадлежит Сократу и рождённому им платонизму. Именно Сократ впервые заговорил о единой смысловой картинке, о самом смысле. И это не просто математические структуры или числа, как у Пифагора. Смысл – это то, что неуловимо даже для математики.

Обычно, когда говорят о платонизме, то различают два вида знания: «доксу» и «эпистему». Докса – это обыденное знание, опирающееся на чувственное восприятие. Для Платона это вовсе не знание, это мнение. А мнение всегда субъективно и ошибочно. Сколько людей, столько и мнений. Эпистема же – это интеллигибельное знание, результат мышления. А мышление у всех людей одно. Все мыслят одинаково, следовательно, можно прийти к объективному знанию.

Но не всё так просто. Платон различает два вида интеллигибельного знания – «эпистему» и «дианойю»³⁰. Эпистема – это информация, недоступная не только эмпирической фиксации, но и математическому исчислению. Это информация о цели и смысле вещи, о её сущности, которую ни показать, ни доказать никакими математическими средствами невозможно. Эпистема может быть воспринята лишь интуитивно, путем прозрения, либо априорного знания. Это то, что Гёте называл «прафеноменом», отблеск которого «мы видим в проявлениях творческого духа»³¹. Эпистема воспринимается непосредственно во всей своей целостности неким внутренним ведением. В платонической традиции эту способность называли разумом. Дианойя – информация служебная. Это весь набор эмпирических данных, вычисленных математически, анализ которых позволяет выработать технологию, при помощи которой эта цель может быть достигнута.

В этом разница между разумом и рассудком. Разум видит вещь непосредственно, целостно, в её метафизической сущности. Разум – субстанция «надлунная», целостная, и для него «всякая вещь неделима по отношению к самой себе»³². Рассудок же скорее категория «подлунная». Он анализирует вещь, рассматривая её как физическую систему, состоящую из частей, по терминологии Аристотеля – как «составное целое»³³. Удел рассудка – логика, математика и математическая физика. Тогда как смысл всех этих действий доступен лишь разуму.

Д.П.: Ещё раз можешь объяснить?

К.Ш.: Да пожалуйста. Докса – это чувственно воспринимаемая, раздробленная, фрагментированная реальность, это мир, который не складывается в единую картинку. Эпистема – это умопостигаемая реальность в её былой, но потерянной целостности. Дианойя – это знание математических структур, стоящих за разрозненными физическими явлениями. Выявление этих структур помогает человеку сложить из отдельных пазлов единую целостную картинку. Т. е. эпистема – это целостная картинка, а дианойя – это та же самая картинка, но сложенная из разрозненных пазлов. В идеале эти картинки должны совпасть.

Разум и рассудок – это два разных образа «героя». Если первый, открытый Сократом, «герой» не имеет рождения и обитает в «надлунном» мире, то второй имеет «подлунное», космическое происхождение и действует в стиле Зевса. Это «титан», рождённый хтоническими энергиями, и лишь потом ставший «героем». Само «знание» этих «героев» имеет различные

²⁹ Рассел Бертран. История западной философии. М.: 2008, с. 63.

³⁰ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987, с. 319; Гейзенберг Вернер. К истории физического объяснения природы // Философские проблемы атомной физики. М., 2004, с. 20–33.

³¹ Эккерман И. – П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986, с. 509.

³² Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4–х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976, с. 221.

³³ Там же, с. 206.

источники и оказывается разного качества. Если у первого – это непосредственная достоверность «надлунного» мира – «эпистема», то у второго – простая «подлунная» аналитическая способность – «дианойа» – то, что Маркузе позже назовёт «технологической рациональностью»³⁴.

Гегель также говорит о рассудке и разуме как об аналитическом и синтезирующем началах. Рассудок – начало низшее, логическое. Он работает с фрагментированной реальностью. Гегелевский же «спекулятивный разум» есть высшее начало. Это тот самый «разум, исцеляющий от ран бытия». Именно он видит мир в неразделённой целостности. И цель (целостность) доступна лишь разуму, но не рассудку³⁵.

Кстати, новоевропейская наука пошла по пути Пифагора, а не по пути Сократа и Платона. Характерно высказывание Галилея о том, что книга природы написана на языке математики. Этим объясняется главная причина изгнания телеологии из новоевропейской науки: «разум» Нового времени и эпохи Просвещения по факту есть «рассудок». Я об этом обязательно ещё скажу.

Так вот, именно в платонизме впервые заходит речь о двучастности, двумерности реальности. И это, прежде всего, касается «микрокосма». Человек есть продукт, дитя двух субстанций. Некое надкосмическое начало человека «оплодотворяет» его же космическую субстанцию и «рождает» эмпирического человека – индивида. Сократ и рождённый им платонизм прозревают то, что впоследствии будет открыто христианством – различие в человеке личности («ипостаси») и сущности («усии»).

Сократ выделил двойственность реальности в чистом виде – разум и материю. И хотя он прежде всего говорил о малом космосе – о человеке, принципиально важна сама мысль о том, что есть «нечто» помимо Космоса. И это «нечто» есть неочевидное, «отцовское» начало, непосредственно причастное к рождению этого самого Космоса.

Эта патриархальная по своей сути идея Сократа стала одной из главных черт платонизма, который выходит за пределы микрокосма. При всём многообразии концепций, здесь происходит разграничение условных «материнского» и «отцовского» начал – управляемого чувственного, «подлунного» мира, и некой управляющей умопостигаемой субстанции, живущей в горнем, «надлунном» мире.

Декларация Сократа выглядела революционно и даже вызывающе. Ведь это был наезд на олимпийский божественный порядок с его исконным матриархатом. Сократ, по сути, выступил против главного греческого божества – Космоса, показав его вторичность. Провозглашалось существование некоего внекосмического начала, независимого от Космоса и богов, что подрывало их авторитет. Но самое страшное даже не в этом. Это начало Сократом полагается внутри человека. А это означает независимость человека от Космоса, а значит и от порождённых им богов. Это было расценено греками как «развращение молодёжи» и Сократ был казнён.

* * *

К.Ш.: Платон и Аристотель продолжили дело Сократа и с успехом развили его революционную парадигму. От малого космоса – человека – они обратились к большому. При всём различии их взглядов, сложилась некая единая картина мира. И она глубоко патриархальна.

Сам Платон представил знаменитое учение о сверхчувственных идеях, которые из материи организуют вещи. Аристотель говорит о четырёх причинах, которые двигают всё материальное развитие, и об энтелехии, к осуществлению которой стремятся все феномены.

³⁴ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2003.

³⁵ Гегель Георг Вильгельм Фридрих. Феноменология духа. М., 2000.

Любой материальный объект, включая сам Космос, есть не просто материя, это вещь, т. е. организация. И у этой вещи непременно есть два родителя – условные «мама» и «папа». Материя – это только «мама», тот материал, из которого вещь состоит. Но организует этот материал, делая его вещью, некое «отцовское» начало – сущность (эйдос, идея, форма). Так, глина – только материал, который не может самоорганизоваться и стать посудой. Ему нужна идея. И она может прийти только извне, потому что в самой глине идеи не живут. Если в неё входит идея кувшина – она становится кувшином, если идея горшка – тогда горшком.

Материя – это чистая потенция, это только возможность чем – то стать. Актуализирует, организывает её идея, которая сама материей не является, она принципиально иная. В итоге любая вещь есть «брак» и неразрывное соединение идеи вещи (сущности) и материи, из которой она состоит. Эмпирически, чувственно мы всегда наблюдаем вещь в её материальности. Сущность же вещи, её идею, предназначение, смысл мы никогда не видим, мы это можем только мыслить. Т. е. опять та же знакомая ситуация: очевидна, чувственно воспринимаема только «мать» – материя, рождающая вещь. «Отец», который эту вещь зачал, неочевиден и есть предмет мышления.

Патриархальный принцип в платонизме представлен и в такой антиномии как часть – целое. Главная её тема – несводимость целого к своим частям. Хронологически части предшествуют целому, но логически именно целое является смысловым, а значит первичным началом любого явления³⁶. При этом целое, как некое «отцовское», умопостигаемое начало, действует совсем «недемократически». Оно навязывает частям свой сценарий, указывая им их место и роль, и организывает их по своему плану. Таким образом, целое есть эмпирически не фиксируемый принцип организации частей – элементов – чисто «отцовское» начало.

Автократический, патриархальный принцип проявляется и в самом устройстве космоса – физике. До платонизма мир представлялся большой «демократической» игрой «подлунных», элементов. Все эти «титанические» элементы своими естественными движениями рождают те или иные материальные феномены. Первый шаг к Небу был сделан Пифагором. Его числовые комбинации представляют собой некие высшие правила, по которым совершается игра «подлунных» элементов. Т. е. это некая умопостигаемая программа, которая управляет материальными вещами. Наряду с этим некоторые натурфилософы, высказывали предположение о существовании особой тонкой среды – эфира, не участвующем, впрочем, активно в построении космоса. Однако уже у Платона пассивный эфир трансформируется в некую активную субстанцию, с помощью которой демиург конструирует мир³⁷. Аристотель же окончательно вводит понятие «пятого элемента» (по определению самого Аристотеля – «первого») – квинт-эссенции. Этот «надлунный» элемент не порождён «подлунным» миром, он нематериален, не имеет начала, не поддаётся изменению и не уничтожим³⁸. Познаётся он лишь мышлением.

Здесь важно понять, что пятый элемент не является «ещё одним», как бы недостающим материальным элементом, встроенным для полноты картины. Это принципиально иная сущность, живущая в «надлунном мире», и выступающая в качестве организующего принципа четырёх «подлунных» элементов.

Это – подлинный «герой», «отец», не порождённый «женским», «титаническим» началом, он изначально «оттуда». Его миссия – организация.

³⁶ Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976, с. 204–208.

³⁷ Месяц С.В. Дискуссии об эфире в Античности // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и Средние века (исследования и переводы). М., 2005, с. 70.

³⁸ Аристотель. О небе // Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М., 1981, с. 270.

* * *

К.Ш.: Видится любопытная закономерность. Сократ выступил с патриархальной декларацией и был приговорен к смерти афинской демократией – политической проекцией матриархальной ментальности. Но заданный Сократом дискурс не исчез. Он был подхвачен и развит платонизмом, который окончательно отходит от матриархальной ментальности и утверждает патриархальное видение мира. И это совпадает с кризисом афинской демократии и временем объединения Греции Александром Македонским – учеником Аристотеля. Далее Александр объявляет о своем божественном (по сути – «надлунном») происхождении и объединяет под своей властью огромные просторы, населённые совершенно разными народами. Этот «пятый элемент» как бы пытается собрать всё «подлунное» человечество воедино.

Данная цепь событий может означать только одно – взошли зёрна платонизма. И патриархат из области ментальной постепенно переходит в область практики. Патриархальный, авторитарный, недемократический взгляд утверждается не только в философии и физике, но и в политике и культуре.

Греческая демократия дала миру прекрасные образцы культуры и социальной организации. Но она не была универсальной цивилизацией. По большому счету, это был доморощенный матриархальный междусобойчик, вершиной которого стали Афины периода расцвета. Это было детство европейской цивилизации. И оно кончилось. Молодому европейскому сознанию необходимо было взрослеть и двигаться дальше – через кризисы к новым вершинам. Империя Александра – это выход из зоны «мамино» комфорта – этнической ограниченности – во «взрослую» жизнь – в «мужское», общечеловеческое пространство. И идеологической базой для этого стал платонизм.

Несмотря на относительный упадок культуры эпохи эллинизма, по сравнению с кратким периодом расцвета демократических Афин, это был явный прогресс, т. к. готовил условия для построения будущей универсальной империи. Понятно, что этот переход не мог быть гладким – цивилизация никогда не движется от расцвета к расцвету. Да и не известно, чем бы всё кончилось, проживи Александр подольше. В любом случае, это был первый серьёзный шаг навстречу европейскому универсализму и пробный камень будущей всемирной империи – Рима.

4. Демократия и автократия

К.Ш.: Здесь открывается новое смысловое поле. Если «рождение» воспринимать как «организацию», то по аналогии с «матриархатом» и «патриархатом» можно выделить два принципиально различных типа организации – «демократический» и «автократический». Любая космическая сущность – будь то молекула, человек или социум – представляет собой организованную сумму элементов. Принцип организации этих элементов в единую целостную систему может быть внутреннего или внешнего происхождения.

В первом случае принцип порождается самими элементами, и является эмерджентными или интегративными свойствами системы. Они становятся как бы «квази – отцовским» началом, подвластным материи. Это демократия. Во втором – он является внешним, метафизическим по отношению к ним. Это автократия. При демократическом типе есть только одна космическая реальность – «материнское» рождающее начало, состоящее из самоорганизующихся элементов. Автократический тип предполагает, что элементы космической реальности организуются в нечто целое извне под действием неких метафизических смыслов, целей и программы – «отцовского» начала.

Демократический принцип – это самоорганизация внутри одного измерения. Даже когда во главе организации появляется руководящий организующий принцип или субъект, то он является лишь выдвиженцем, делегатом снизу. В крайнем случае это узурпатор, своеобразный «зевс», потерявший свой «пупок» и из «титана» превратившийся в «героя». В любом случае он представляет интересы своей сущности в мире Космоса. Именно той сущности, из которой он вылупился. Это маменькин сынок или папа – подкаблучник.

Автократический тип предусматривает наличие принципиально двух разных измерений и иерархию между ними. Организующий принцип не вырабатывается снизу. Это «пятый элемент», который спускается сверху из мира метафизики. Это «звёздный мальчик». В платонизме таким элементом рассматривалась сущность, эйдос по отношению к миру материи. В христианской антропологии система координат меняется, и таким началом становится надкосмическая ипостась по отношению к космической сущности. Вне зависимости от системы координат, «пятый элемент» – это условно «мужское» начало, и оно принципиально иное по отношению к «женскому». Но именно оно его организует, создавая новый порядок – «эмбрион».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.